

А в 1893 г. Старчевским был издан «Сибирский переводчик по линии строящейся сибирской и уссурийской железных дорог и по всем паровозным сибирским рекам. (Для объяснений с нашими инородцами, живущими на прилегающих к этим дорогам и рекам местностях)». В нем были представлены 11 языков, бытовавших на территории Сибири, в том числе киргизский. Посвященный ему раздел состоял из подраздела «Самонужнейших слов» (глаголов, местоимений, частиц, прилагательных, числительных, существительных), «Разговорных фраз» («обыденных», «приказаний», «вопросов» и «ответов») и «Грамматического очерка».

Считая решение Верховной власти Российской империи построить в течение четырех лет Сибирскую и Уссурийскую железные дороги «великим событием в русской истории, предвещавшим громадные последствия этого колоссального предприятия» [5, с. III], составитель «Сибирского переводчика...» надеялся на то, что подготовленный им труд сослужит верную службу при строительстве данного объекта, составив «микроскопическую лепту», которая «тоже попадет в сокровищницу Великой Сибирской дороги» [5, с. IV].

Каждая из подобных работ, подготовленных представителями российской интеллигенции во II половине XIX – начале XX вв., влекли за собой создание для киргизского и казахского языков условий к сохранению и дальнейшему развитию веками накопленных ими структурных и функциональных качеств; усиление функциональной мощности языков, появление тенденции к их регламентации, а также всплеск научного интереса киргизской и казахской интеллигенции к проблемам родного языка, столетиями находившегося на периферии национальных интересов.

Список литературы

1. Майкл Эдвард. Феномен полиглотов. Чтение на иностранных языках дает им ни с чем несравнимое чувство гармонии с миром. – М.: «Альпина Паблицер», 2012. – 384 с.
2. Проводник и переводчик по окраинам России, заключающий в себе 24 языка... / Сост. А. В. Старчевский по методу Мещофанти. – СПб.: Склад изд. у В. А. Березовского, 1888. – 448 с.
3. Проводник и переводчик по отдаленнейшим окраинам России, заключающий в себе 44 языка...: в 2 т. / Сост. А. В. Старчевский по методу Мещофанти. – СПб.: Склад изд. у В. А. Березовского, 1889. – Т. 2. – 646 с.
4. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Т. XIX. Туркестанский край / Под. Ред. П. П. Семенова-Тян-Шанского. – СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1913. – 861 с.
5. Сибирский переводчик по линии строящейся сибирской и уссурийской железных дорог и по всем паровозным сибирским рекам. (Для объяснений с нашими инородцами, живущими на прилегающих к этим дорогам и рекам местностях) / Сост. А. В. Старчевский. – СПб.: Паровая Скоропечатня А. В. Пожаровой, 1893. – 414 с.
6. Спутник русского человека в Средней Азии, заключающий в себе словари (написанные русскими буквами) языков / Сост. А. В. Старчевский. – СПб.: Тип. А. Траншеля, 1878. – 64 с.

УДК 908

Н.В. КОТЛЯР

канд. истор. наук, доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС)
(Россия, г. Владивосток)

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПОРЯДОК УЧРЕЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1876-1906 ГОДАХ

Создание первых дальневосточных общественных организаций пришлось на время издания законов 1867 и 1874 гг., преследовавших противозаконные общества, и составившие правовую основу взаимодействию обществ и власти вплоть до первой русской революции. Среди законопроектов 1867 - 1890-х гг., исследователи отмечают следующие: закон 1867 г. 27 марта «О противозаконных обществах», закон 1874 г. 4 июня «О наказаниях за составление проти-

взаконных сообществ и участие в оных», содержанием которых стали полицейские меры преследования противозаконных обществ [19, с. 5; 20, с. 70], Устав о предупреждении и пресечении преступлений (изд. 1890 г.) ст.116-118 которого составлены из положений упомянутых законов, и Правила 1897 г. 29 апреля, которыми должны были руководствоваться все учреждения МВД при предоставлении уставов обществ на подпись министру. Отличительной чертой правил, дополненных 15 мая 1898 г., была «предпринимавшаяся в них попытка определить в общих чертах основы внутреннего устройства организаций: комплектования членского состава, формирования денежных средств, организации общих собраний, что не было характерно для предшествующего российского законодательства об обществах» [20, с. 75]. Новый этап в развитии правительственного законотворчества, обозначился завершением Гражданского Уложения (опубл. в 1899 г.), в котором осуществлена первая в истории попытка собрать воедино нормативно-правовые акты различных ведомств, регламентировавшие жизнедеятельность общественных организаций, руководствуясь соображениями «удобства» сосредоточения их в одном месте [20, с. 78].

Длительный процесс передачи права утверждения устава различным министерствам, проходивший во второй половине XIX в. и закрепленный законоположениями 1890-х гг., сопровождался формированием структуры устава и порядка его утверждения. «Норму» для написания устава общества, учрежденного с «общепользуемой» целью, составили «образцовые» – нормальные и примерные уставы. «Дарованное право» [13, л. 43] устраивать общества, включало в себя четкое представление о самостоятельности «как области властеотношений, допускающих регламентацию в административном, а не в законодательном порядке» [1, с. 32].

Активность общественной инициативы на Дальнем Востоке отсчитывается от последней четверти XIX века, а именно с 1775 года, когда была открыта первая общественная организация региона - Владивостокское благотворительное общество (устав утвержден в 1876 г.). На протяжении следующих 25 лет открыты еще 47 обществ, в том числе: 12 собраний, 9 обществ сценических и музыкальных искусств, 8 обществ спорта и охоты, 7 обществ, имеющих уставное название «благотворительное» или «лечебно-благотворительное», 4 пожарных общества, 2 общества изучения края, 2 общества врачей и 1 техническое общество [5].

Административный порядок создания общества на Дальнем Востоке, как и на всей территории Российской Империи, состоял из нескольких этапов. Учредители обществ доставляли устав в канцелярию губернатора области или Приамурского генерал-губернатора; далее уставные документы организации, с ходатайством генерал-губернатора, направлялись в Департамент Общих дел МВД, и уже оттуда на утверждение в соответствующее министерство. В министерства «по принадлежности» направлялись уставы, утвержденные губернатором. Военные губернаторы начали утверждать уставы обществ Дальнего Востока с 1899 г. (сохранилось пять таких уставов); исключением из этого порядка стал устав Общества изучения Амурского края (устав утвержден в 1886 г.).

Итак, ключевым моментом признания законности частного общества было утверждение устава, составленного по образцу нормального (примерного) устава. *Однако, к большинству обществ, открытых до 1906 года, примерный устав не применялся. Так как уставы разрабатывались постепенно и не успевали за инициативой учредителей. Проект таких уставов должен составляться «возможно точнее к уставу одного из утвержденных министром в последнее время обществ того же рода как и проектируемое» [8, с. 3]. По типовому уставу или по аналогии с уже существующими, общество было учредить сравнительно проще, такое общество имело «стандартный характер» [19, с. 34] и легко преодолеvalo инстанции. Стоит отметить, ни один из дальневосточных уставов, составленных по такому «образцу», не был возвращен министерством на доработку.*

Таким образом, точный смысл слова «законность» обеспечивался дословным повторением норматива. Функции канцелярии Приамурского генерал-губернатора фактически «свелись к механическому сопоставлению положений уставов обществ с соответствующими пунктами нормальных или образцовых уставов» [20, с. 267]. При этом на сходство утвержденного ранее и поданного на рассмотрение устава указывали как учредители, так и чиновники. Например,

устав Хабаровского общественного собрания составлялся по образцу Никольского собрания, амурские охотники упоминали владивостокских, устав Кружка любителей сценического искусства в г. Никольск-Уссурийский составлен по уставу такого же кружка в Хабаровске, проект устава Общества изучения Амурского края, по замечанию губернатора, не отличается от других уставов подобного рода [12, л. 19; 13, л. 12; 15, л. 1; 6, с. 172].

«Образец» могли прислать из министерства. Так, в 1889 г. Амурскому стрелково-охотничьему обществу из Лесного департамента Министерства Государственных Имуществ «в видах сохранения единообразия в охотничьих уставах» был прислан проект устава Рижского общества охоты [1888]» [15, л. 14 об.]. Как только издавался новый нормальный устав, губернатор мог предложить соответствующему обществу воспользоваться нормативом для исправления и последующего утверждения министерством нового устава. Так, до конца XIX в. были направлены на утверждения обновленные уставы Хабаровского вольно-пожарного общества, Хабаровского общества любителей охоты и ряда других организаций.

При этом, дословного повторения нормального устава или ранее утвержденного устава в уставной документации данного периода не встречается. Например, в уставах общественных собраний чиновники канцелярии насчитали от 4 (в никольском) до 18 (в хабаровском) отхождений от «образца» Например, несоответствия, выявленные при сопоставлении проекта устава Хабаровского собрания с текстом норматива, по мнению Приамурского генерал-губернатора, он «предпочел бы вовсе не допускать». Не смотря на отмеченные несоответствия нормативу, устав собрания утвержден [13, л. 13, 36-38]. Большинство уставов отступали от нормативного текста преимущественно, в пунктах, регулирующих внутренний распорядок организации. С музыкально-певческими, нормальный устав для которых был, возникла та же сложность: уставы одного из самых популярных на Дальнем Востоке вида организаций, составлены с максимально возможным количеством несоответствий и характеризуют полное незнание учредителями текстов примерного устава.

Документ о несоответствиях текста проекта какому-либо «образцу», составленный канцелярией, назывался «справкой». Если несоответствий было слишком много, как в случае с хабаровским собранием, устав возвращался учредителям на исправление, после чего опять направлялся в канцелярию. Канцелярия устава не исправляла.

Выверенный чиновниками канцелярии проект устава попадал к Приамурскому генерал-губернатору, резолюция которого подтверждала «отсутствие закона, препятствующего его утверждению» [13, л. 22] (ряд пометок на уставных документах позволяет утверждать, что генерал-губернатор подробно вычитывал их). Устав, справка о выявленных отличиях от норматива, составленная канцелярией, и ходатайство генерал-губернатора направлялись в МВД.

В том случае, если закона, препятствующего учреждению общества, не встречалось, но существование общества казалось генерал-губернатору «непрочным», утверждение устава откладывалось. Впрочем, это не означало, что запрещалось открытие организации. Действия такого общества могли быть открыты «собственной властью» генерал-губернатора, о чем немедленно уведомлялись учредители и Министерство внутренних дел. Законным основанием тогда был проект устава [дословно напр. см. 17, л. 32 об.]. Сложившаяся ситуация повлекла за собой появление ряда интересных формулировок. «Временно открыто впредь, до утверждения устава» согласно телеграмме Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского Никольское общественное собрание; «временно открыты», по разрешению генерал-губернатором Н.И. Гродекова действия» Кружка любителей сценического (драматического) искусства в Никольск-Уссурийском [16, л. 8; 6, с. 172]. Устав Хабаровского общества любителей рисования и живописи, согласно докладу губернатора области Н.П. Линевича, «временно утвержден с тем, чтобы общество своевременно выработало надлежащий проект для дальнейшего назначения» [18, л. 1, 6]. Никольское общество любителей охоты, по сообщению «Приамурских ведомостей», было «открыто неофициально» в 1899 г. [9]; «открыто временно» Николаевское общественное собрание и т.д. [11, л. 7-8, 13, 17].

В том случае, если текст устава значительно отступал от нормального или «образца», важнейшим критерием законности становилась уставная цель общества. Определяя сферу

деятельности общества, «цель» являлась самой важной частью устава. Внимание к ясности и определенности формулировки цели имело, как отмечает А.С. Туманова, практический смысл, т.к. выпячивая на передний план цели, представлявшиеся с точки зрения полезности для текущего момента и потребностей региона более предпочтительными, учредители зачастую старательно камуфлировали другие свои задачи [20, с. 279].

Для генерал-губернатора гарантией государственного порядка, общественной безопасности и нравственности, в обществах, действующих без утвержденного устава, была политическая благонадежность участников. Ходатайство и организацию нового дела брали на себя люди лично известные генерал-губернатору, они же возглавляли общество. Так, например, вопрос об образовании вольной пожарной дружины в г. Благовещенске (1899) был поднят «из среды влиятельных горожан» [7, с. 38], в 1885 г. об учреждении Общества народных чтений ходатайствовал владивостокский городской голова И.О. Маковский [4]? В дальнейшем было рекомендовано желающим обращаться к лицу, занимающему этот пост. Основателем Приамурского отделения ИРГО был С.М. Духовской, председателем – Н.И. Гродеков; Общество изучения Амурского края было открыто по ходатайству военного губернатора Владивостока Фельдгаузена; Председателем Владивостокского общества поощрения изящных искусств был А.Г. Чичагов, инициаторы учреждения общества – полковники М.С. Латернер и С.Ф. Чиж. К тому же образованное городское общество, представители которого создавали первые организации, было немногочисленным, и, учитывая малонаселенность Дальнего Востока, составляло единый круг общения (например, в 1890 г. население Владивостока составляло 8418 чел., и к началу века достигло 38000 чел.) [3, с. 3].

Итак, властью генерал-губернатора, судя по переписке об учреждении организаций в 1876-1906 гг., общества открывались в том случае, если имелись результаты успешной подготовительной деятельности организации или существовала насущная необходимость появления частной организации в конкретной области. Другими словами, генерал-губернатор оценивал перспективность и полезность учреждения такой организации. Круг обществ, начавших деятельность до утверждения устава, достаточно широк: от благотворительных и содействующих духовному развитию до обществ любителей фотографического искусства и любителей охоты.

В переписке об утверждении уставов можно отметить особенно интересные случаи открытия обществ генерал-губернатором на основании проекта устава в категории обществ «досуга». Например, в 1894 г. устав Амурского общества любителей фотографического искусства (Хабаровск) генерал-губернатор предполагал представить на окончательное утверждение МВД «когда выяснится на практике прочность его существования и целесообразность составленного для него проекта устава» [17, л. 30]. В переписке 1902-1903 гг. об утверждении устава Никольского общественного собрания отмечается, что «собрание было открыто временно до утверждения устава в ноябре 1893 г., согласно телеграмме бывшего Приамурского генерал-губернатора... от 1 ноября 1893 г. за №3610» [16, л. 8]. В 1880 г в Хабаровке открыто общественное собрание [11, л.15], устав которого утвержден в 1886 г. «Я считал полезным содействовать развитию во всех областях края деятельности охотничьих обществ», - отмечается в отчете С.М. Духовского [14, л. 27; 2, с. 47]. В 1888-1899 гг. на Дальнем Востоке открыли свои действия 4 общества любителей охоты, уставы которых утверждались примерно через год после ходатайства учредителей об открытии.

В группе обществ, содействующих духовному развитию, сложившейся из Общества изучения Амурского края (1884), Южно-Уссурийского общества врачей (1892), Приамурского отделения ИРГО (1894), Владивостокского императорского технического общества (1895), Общества народных чтений г. Владивостока (1895), Хабаровского общества любителей рисования и живописи (1897), Владивостокского общества поощрения изобразительного искусства (1900), - примеров открытия обществ до утверждения устава по отношению к общему количеству больше. Четырем из семи обществ оказано разного рода покровительство представителей местной администрации, часто являющихся учредителями обществ; три организации вошли в состав императорских обществ, т.е. приняли положения уже существующего устава; одно общество приняло устав в редакции нормального устава. Сохранились сведения об от-

крытии до утверждения устава общества народных чтений во Владивостоке, созданного в 1886 г. и утвердившего устав в 1895 г. [10, с. 334].

Из обществ вспомоществования особый интерес представляют благотворительные организации, открывавшиеся немедленно по ходатайству учредителей и даже на основании подготовительной деятельности, которая «дала счастливые результаты», действия благотворительных фондов и т.д. К 1906 г. на Дальнем Востоке открылось 8(7) таких обществ, из них не менее 4 организаций начало действовать до утверждения устава (здесь не учтены отделы Общества Красного Креста и обществ помощи переселенцам и учащимся). К этому времени уставы благотворительных обществ уже долгое время утверждались министром внутренних дел (с 1862 г.), по Уставу об общественном призрении (изд. 1892 г.) благотворительные общества состояли в ведении МВД, учреждались министром внутренних дел (ст.441), ежегодно отсылали отчет министру внутренних дел. Учитывая, что учрежденные ранее 1899 г. на Дальнем Востоке благотворительные общества утверждали свои уставы в МВД, можно допустить, что передача прерогативы утверждения устава военному губернатору произошло к концу XIX в.

Последним этапом утверждения устава было уточнение личностей учредителей. Учитывая малонаселенность Дальнего Востока, в «именном списке» не было надобности. Тем не менее, он запрашивался у полицмейстера военным губернатором или генерал-губернатором. В число обязанностей полицмейстера также входило разрешение печати уставов. Например, на титульных листах хабаровских собраний, стоит отметка «Печать разрешается. Хабаровский полицмейстер Маркович», такая же надпись на последнем листе устава Николаевского общественного собрания [13, л. 2, 31 об]. По утверждении устава, осуществлялось взывание гербового сбора с учредителей общества. К началу XX в. он составлял 4 р. 20 коп. [16, л. 6]. В общей сложности процесс утверждения устава мог занять от 8 до 12 месяцев с момента направления документов в МВД. Общество, открывающее свои действия на основании утвержденного устава, назначало первое общее собрание после получения утвержденного устава.

Итак, законный порядок, для большинства обществ Дальнего Востока, до 1906 г. означал утверждение устава различными министерствами по принадлежности. Вплоть до издания временных правил об обществах и союзах 1906 года (то есть за тридцатилетие административной практики), на Дальнем Востоке сложился механизм проверки учредительной документации общественных организаций. Путь легализации организации посредством губернского начальства, в жизни восточной окраины представлял собой политику поддержки общественной инициативы со стороны генерал-губернаторов, объединения крайне разрозненного и немногочисленного населения, создания центров общественной жизни, благотворительной и социальной помощи.

Список литературы

1. Ануфриев П.Н. Правительственная регламентация образования частных обществ в России / П.Н. Ануфриев // Вопросы административного права. Кн.1. М., 1916. С. 15-44.
2. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского за 1896-1897 годы / С.М. Духовской. 1898. СПб. 95 с.
3. Всеподданнейший отчет Военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год / Н.М. Чичагов. Владивосток, Типография Приморского Областного Правления, 1901.
4. Дальний Восток. 1895. 20 января. №9
5. Котляр Н.В. Российские общественные организации Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 25 с.
6. Никольск-Уссурийский: страницы истории: Документы и материалы. Владивосток, 2003. 180 с.
7. Обзор Амурской области за 1899 г. Благовещенск, 1990. 45 с., прил.
8. Плато Г.К. фон. Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения Министерств, Губернаторов и Градоначальников / Г.К. фон Плато. Рига, 1903. 264 с.
9. Приамурские ведомости. 1899. 1 авг. №292.

10. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. 596 с.
 11. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.800.
 12. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.3. Д.5.
 13. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.3. Д.9.
 14. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.6. Д.45.
 15. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.3. Д.47.
 16. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.3. Д.95.
 17. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.3. Д.106.
 18. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.3. Д.155.
 19. Степанский А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв. Учебное пособие по спецкурсу / А.Д. Степанский / Под ред. д.и.н. Н.П. Ерошкина. М., 1980. 96 с.
 20. Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905-1917 годы: Монография / А.С. Туманова. Тамбов, 2002. 488 с.
-